

Александра
Стрельцова

(не) его ребёнок

РОКОВАЯ ОШИБКА

Александра Стрельцова
(Не) его ребёнок. Роковая ошибка

«Автор»

2023

Стрельцова А.

(Не) его ребёнок. Роковая ошибка / А. Стрельцова — «Автор», 2023

Мы с мужем так мечтали о ребёнке, но, к сожалению, у моего любимого были некоторые проблемы. Несколько попыток ЭКО и в нашем доме появилось маленькое чудо! Но моё счастье было оскоминой на зубах свекрови, она всячески пыталась избавиться от меня, возненавидела с первого взгляда! Я терпела её выходки, муж просил не обращать внимание, всячески осаждал свою мать. Но последняя её пакость, наглое враньё, дало трещину в нашем браке! Тест ДНК, который она сделала, не сообщив нам с мужем, оказался отрицательным! Такого просто не может быть, ведь я не изменяла мужу! Вот только и второй тест, что сделали мы с мужем, оказался с таким же результатом! Как такое могло получиться, и где теперь искать настоящего папу моего сыночка?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александра Стрельцова

(Не) его ребёнок. Роковая ошибка

Глава 1

АЛЁНА

Агуканье сыночка прерывает трель дверного звонка, бросаю взгляд на часы, семь вечера. Неужели Гриша забыл ключи? Подхватываю Глеба на руки, спешу открыть дверь мужу. На звонок давят непрерывно, от чего хмурюсь. Не похоже это на Гришу, он знает, что в это время наш сын обычно спит, и громкий звонок может его разбудить.

Но сегодня Глеб решил пропустить вечерний сон, но ведь муж этого не знает!

Подхожу к входной двери, смотрю на монитор и вижу того, кто так рвётся к нам в квартиру. На площадке стоит женщина.

Зинаида Петровна! Моя свекровь, собственной персоны! У нас с матерью Гриши, не очень хорошие отношения, она меня, мягко говоря, недолюбливает. Считает недостойной женой для своего сыночка. У нас она редкий гость, и что вот она сейчас здесь забыла? Ведь Гриша ещё не дома. Открывать не хочется, но приходится, не могу же я её не впустить?

Перехватываю Глеба, держу его одной рукой, второй открываю замок. Как только в двери раздаётся характерный щелчок, дверь резко дёргают с той стороны и в квартиру буквально врывается мать Гриши.

Успеваю сделать шаг в сторону чудом избегая столкновения с женщиной.

– Зинаида Петровна, что случилось? – делаю ещё шаг в сторону, меня пугает вид женщины, особенно её взгляд, переполненный лихорадочным блеском.

– Что случилось? А вот, что! – машет перед моим лицом большим конвертом, – я всё знаю, ах ты дрянь такая! Подстилка подзаборная! Я сразу поняла, какая ты на самом деле! Повесила на моего сыночка своего приبلудыша! А вот теперь он узнает, что этот, – стреляет в Глеба презренным взглядом, – не его сын! – выпаливает свекровь.

Столбенею от такого заявления, от такой грязной клеветы.

– Вы что такое говорите? Да как вам не стыдно, Зинаида Петровна? Зачем вы придумали такую ложь? Сейчас же легко проверить, стоит только сделать тест ДНК...

– Вот я, и сделала! – вздёргивает нос кверху, – и он показал, что мой сынок не имеет отношения к твоему приبلудышу! – вновь машет конвертом перед моим лицом.

Я даже не знаю, что больше меня шокирует? То-ли тот факт, что свекровь без нашего с Гришей разрешения сделала такой тест, то-ли то, что этот тест, по её словам, отрицательный! Но я знаю точно, что быть такого не может, Глеб сын Гриши, а это означает, либо тест ошибка, либо свекровь его подделала! Другого не дано.

– Ваш тест ошибка, – как можно спокойнее говорю женщине в то время, как внутри меня всю трясёт от её выходки.

Боже, до чего же дошла эта женщина? Она готова лишиться собственного сына семьи, а внука отца, только бы избавиться от нежеланной снохи!

– Нет дорогуша, мой тест не ошибка, это вы ошибка в жизни моего сына! Так что собирай свои манатки, и немедленно покинь дом моего сына! – шипит свекровь и в этот момент на пороге квартиры появляется мой муж.

– Что здесь происходит? Ты что здесь делаешь, мама? И с какой такой стати, ты выгоняешь мою жену и сына из нашего же дома? – по заданным вопросам, понимаю, что муж услышал только последние слова своей матери.

– А с того, сынок! Вот, полюбуйся! – хватает Гришу за руку, впихивает ему конверт, – посмотри на ком ты женился, а я же тебе говорила, говорила, гуляет она, а с тобой только ради денег! Сколько она их из тебя выкачала? Обманом, обманом, сынок! – причитает женщина в то время, как Гриша читает содержимое конверта.

Становится дурно от спектакля свекрови, Глеб на руках притих, словно понимать, что лучше не привлекать внимание разгневанной бабушки. Плечом приваливаясь к стене, Гриша замечает моё движение, отрывается от чтения, смотрит на мать.

– Ты же знаешь, этого не может быть, где ты это взяла? – строго спрашивает женщину.

– Что?! Ты мне не веришь? Гриша, сынок, но это правда, этот тест действителен! Она изменила тебе, Гриша, пока ты был в командировке, я же говорила тебе, что видела её с мужиком! Это от него она родила, а тебя обманывает! Сынок, поверь мне! Эта гадина...

– Довольно! – рычит муж, – Глеб, мой сын, прекращай строить козни, мама, иначе наше общение прекратится, а сейчас уходи, – делает шаг в сторону, открывает матери проход.

Дверь в квартиру открыта, и я уверена, соседи согрели свои ушки. Как же стыдно!

– Какой же ты у меня дурак? Рога в потолок упираются, а ты их и не видишь! Не веришь моему тесту, сделай свой, и тогда поймёшь, как мама была права! Ты обидел меня, сынок, но я тебя прощу, когда сам придёшь ко мне просить прощение! – бросив результаты липового ДНК теста Гриши под ноги, свекровь не смотря в нашу с Глебом сторону, быстро покидает квартиру.

Тяжело вздохнув, Гриша закрывает входную дверь, поворачивается к нам с сыном, смотрит пристально, словно мысли мои пытается прочесть. Неужели он сомневается, что Глеб его сын?

– Ты поверил своей матери? – спрашиваю с дрожью в голосе.

– Если бы я поверил, то ушла бы, ты, а не она, но...

– Молчи! – вскидываю одну руку вверх, – ты сомневаешься, я вижу, но поверь, Глеб твой, я никогда тебе не изменяла, поэтому можем сделать свой тест, я не против.

Замолкаю, с нервной дрожью в пальцах, жду решения мужа.

Он молчит, смотрит на Глеба, на меня, на тест у ног, поджимает губы, вновь взгляд на меня.

– Да, давай сделаем, – соглашается муж, чем причиняет дикую боль в груди.

Он усомнился во мне, в моей верности и любви, и это после всего, через что мы прошли?

– Хорошо, – еле сдерживаю слёзы, и чтобы не разрыдаться, ухожу с Глебом в комнату.

Захожу в детскую, усаживаю сыночка в манеж, ладонями вытираю слёзы, что всё-таки брызнули из глаз. Меня душит обида на мужа, злость на свекровь! Полоумная женщина! С чего она взяла, что я нагуляла Глеба? С каким мужиком она меня видела? Из-за случившегося в прошлом, я не общаюсь мужчинами, кроме близкого круга, в который входят самые близкие, а такими являются только родственники!

Дверь детской открылась, на пороге появился муж. Я не смотрю на него, сижу на коленях перед манежем, наблюдаю за Глебкой. Мой малыш, что же нам так не повезло с бабушкой? Если бы моя мама была жива, то любила бы тебя всем сердцем. Тогда бы ты ощутил, что такое любовь бабушки.

– Алён, – зовёт муж.

Не поворачиваясь, из уголков глаз скатываются прозрачные капли.

– Ты чего-то испугалась? Тогда зачем сама предложила сделать тест? – по звуку шагов и шелесту одежды, слышу, как муж подходит, чувствую, как присаживается рядом.

– Я не испугалась! Мне нечего бояться, мне просто обидно, понимаешь, обидно! Обидно от того, что ты во мне усомнился! – поворачиваюсь к мужу, ловлю его взгляд, – однажды я уже доказала свою верность, и сейчас докажу, но ты, наверное, забыл, как мы тогда отделились друг от друга. Тогда ты, как и сейчас усомнился во мне, обвинил в том, чего я не делала. Это ни я потом стояла на коленях, ни я вымаливала прощение, ни я клялась, что такого больше

не повторится, всё это делал, ты! И вот вновь недоверие, сколько ещё таких случаев будет в нашей жизни, сколько раз мне ещё придётся доказывать, что я не совершала того или иного? Меня это унижает, мне от этого больно, обидно, понимаешь, Гриш? Твоя мама... – замолкаю, поджимаю губы, дабы не сказать грубых слов в адрес свекрови при муже, – она меня не любит, я это давно поняла, но неужели ей плевать на родного внука? Пытается лишить его отца, пошла на такую ложь, где она только купила этот тест? Я люблю тебя, Гриш, очень, я не предавала, не изменяла, и только поэтому согласно на тест, – говорю и отворачиваясь обратно к сыну.

Гриша молчит, и от этого внутри всё сжимается. Он не спешит успокоить, хоть как-то заглядит вину за ложь своей матери, за её оскорбления, обвинения!

– Я верю тебе, Алён, и с твоим предложением я согласился только ради того, чтобы уговорить мать. Она действительно перешла все границы, я обещаю тебе, такого больше не повторится, ты от неё больше не услышишь ни одного плохого слова. Ты не дала мне договорить, перебила, а я всего лишь хотел сказать, что придётся сделать этот проклятый тест, и прикрыть рот моей обезумевшей матери. Поймать её на подлости! Уверен, она думает, что ты не согласишься сделать ДНК и из-за своей гордости или назло ей, и мы поругаемся! Алён, я думал, что хорошо знаю свою мать, но как оказалось... – тяжёлый вздох, – я помню свою ошибку в прошлом, на одни и те же грабли наступать не собираюсь. Давай, успокаивайся, и пойдём ужинать, – обнимает меня за плечи, – я очень голоден, накорми меня, маленькая моя, – горячие губы касаются виска, скользят вниз по щеке к уголку губ, – я люблю тебя, и верю.

От его слов на душе становится легче, но не совсем. Осадок остался, и теперь как-то надо его вытравить из души, нужно успокоиться.

Гриша помогает мне подняться на ноги, запечатывает короткий поцелуй на моих губах, отстраняется, наклоняется над манежем, подхватывает Глеба на руки.

– Привет сынок, – целует в пухлую щёчку, – как прошёл твой день, все соки выжал из нашей мамки? – смотрит на сына таким взглядом, словно ждёт ответа, хотя знает, что годовалый Гриша ещё не может ответить на его вопросы.

Сын что-то лепечет, словно и правда рассказывает, как прошёл наш день. Муж с серьёзным выражением лица слушает Глеба.

Оставляю мужчин одних, сама же отправляюсь на кухню, чтобы разогреть ужин и накрыть на стол. Через десять минут на кухне появляется Гриша с Глебом. Муж усаживает сына в детский стульчик, сам присаживается на своё привычное место, я присаживаюсь напротив. Ужин проходит в непривычном молчании, свекровь испортила нам вечер и настроение. После ужина забираю сына, оставляю на Гришу грязную посуду, он всегда мне помогает.

Глеб пропустив вечерний сон, и из-за этого засыпает раньше на полтора часа. Решаю воспользоваться моментом и набираю ванну, добавляю экзотические масла. Раньше я каждый день принимала такие ванны, но с появлением Глеба, времени стало не хватать. Дверь в ванную оставляю приоткрытой, чтобы услышать если сын проснётся и заплачет. Гриша засел в кабинете, предупредив, что срочно нужно проверить некоторые документы.

Погрузившись в горячую, вкусно пахнущую воду, прикрываю глаза, стараюсь расслабиться, и уже через двадцать минут, я забываю о визите Зинаиды Петровны, забываю обо всём плохом, и незаметно для самой себя, погружаюсь в сон. А вот там, меня поджидает прошлое.

Глава 2

АЛЁНА

Громкие басы мячиками отскакивают от стен ночного клуба, вибрацией отдаются в груди. Россыпь бисера на платье переливается бликами от света софитов. Вокруг много веселящихся ребят, первый курс позади, сессии сданы, пришло время заслуженного отдыха. Вот только не все будут валяться на диванах, больше половины пойдут работать, чтобы не возвращаться в свои города к родителям на их шеи. И как сложилась судьба, я среди этого большинства.

– Алёна! – вскрикивает Люда, перекрикивает музыку, хватая за меня локоть, – чего замерла?! Только не говори, что тебе не понравился клуб! Ты блин, посмотри, как здесь классно! Я обожаю это место! – стреляет глазами по сторонам, словно ищет кого-то и всё время подтанцовывает в ритм музыке.

– Я просто думаю, куда деть телефон, не хочу пропустить звонок от Гриши, в сумочке из-за такой громкой музыки, я могу не расслышать звонок, – говорю подруге.

– Опять Гриша? Ты можешь хоть один вечер не думать о нём, и не бежать, что собачонка по первому его зову? У нас вся группа рада, что наконец-то мы все в сборе, тебя в последние три месяца с нами нет, так нельзя! В нашей группе не одна ты имеешь вторую половинку, но никто не пропадает, не бежит домой сломя голову. У вас большие отношения, он крутит тобой как хочет! Вот скажи, что ты делала вчера вечером? – кричит мне на ухо.

– Готовилась к последнему экзамену, что за глупый вопрос?

– А где был твой Гриша? Ты знаешь, где был твой парень, пока ты зубрила гранит науки? – отстраняется, заглядывает в глаза, смотрит с прищуром.

– Конечно знаю, он был дома, – отвечаю невозмутимо.

Люда усмехается, качает головой.

– Он вчера был здесь, с друзьями занимал vip столик, да девушек среди них не было, одни парни, но он отдыхал, проводил время с друзьями, а ты сидела дома, и судя по твоему ответу и взгляду, ты об этом не знала, – хмыкает подруга.

– Ну был и был, – дергаю плечом, говорю безразлично, но на самом деле мне не очень приятно, что Гриша скрыл от меня свой отдых.

Он вчера говорил, что дома, и рано ляжет спать, а сам отправился по клубам.

– Он не обязан передо мной отчитываться, и запрещать я ему ничего не могу, он мне ещё не муж.

– Вот именно! Хорошо, что ты это понимаешь, так почему же он ограничивает тебя от встреч с друзьями?

Ответить Люде не успеваю, на нас кто-то налетает, сбивая нас с ног. Больно бьюсь коленями о кафельную плитку пола, запястье правой руки обжигает острой болью. Собственный крик тонет в криках над головой, не успеваю понять, что происходит, как меня хватают поперёк талии, рывком поднимают с пола, крутой разворот, волосы закрывают лицо. Я ничего не вижу.

Меня куда-то несут, но путь очень короткий, всего пару метров, подбираю волосы, откидывая их назад, перед глазами глянцевая стена чёрного цвета, по которой пляшут лучи софитов.

– Ты как? – раздаётся громкое над ухом.

Дергаюсь, пытаюсь высвободиться, и меня тут же ставят, но следом разворачивают к незнакомцу лицом. Симпатичный, высокий, молодой человек, явно старше меня, года так на три-четыре.

– Нормально, – отвечаю незнакомцу, но следом морщусь, выдаю своё враньё.

Рука в запястье горит огнём, колени щиплют.

– Где болит, показывай, – нависая надо мной, что огромная глыба.

Не отвечаю о чём, тут же жалею! Молодой человек резко присаживается на корточки, своими широкими и такими горячими ладонями обхватывает за лодыжку ногу дёргает её вверх, ставит к себе на колено прямо в туфле. Моё колено прямо перед его лицом. Качает головой, мягко ставит мою ногу на место, поднимается в полный рост.

– Нужно обработать, идём, – берёт меня за горящую огнём запястье, вырывая из горла вскрик.

Хочу послать этого незнакомца куда подальше, как в следующее мгновение меня подхватывают на руки.

– Нет, пустите! – кричу незнакомцу.

– Ты пострадала из-за меня, сейчас обработаем раны, я вызову тебе такси, и поедешь домой, ничего плохого я тебе не сделаю, не бойся, – заявляет молодой человек.

Если бы я знала, чем в дальнейшем обернётся этот поход в клуб и знакомство с этим человеком, то заперлась бы на тысячу замков, и не за что не отправилась бы с одноклассниками отпраздновать сдачу сессии.

То как я оказалась в нашей с Гришей постели, помню смутно, только недовольное и очень взволнованное бурчание, по поводу моего сна в полной ванны воды. Утро встретило меня ярким солнечным светом в распахнутые шторы окна и лепетом сыночка откуда-то из глубины квартиры.

Сегодня выходной и Гриша дома. Улыбнулась, муж дал выспаться, сам накормил и переодел сына. Так всегда бывает в выходные дни. поднявшись с постели, первым делом направилась в ванную, а после на поиски своих мужчин.

Зайдя на кухню, увидела мужа и сына. Маленький мужчина восседал в своём стульчике с ложкой в руке, которую усердно грыз уже имеющимися зубами. Гриша же копался в телефоне и пил ароматно пахнущий кофе.

– Доброе утро, – говорю своим мужчинам и по очереди целую своих красавчиков.

Одного в пухлые щёчки, второго в губы со вкусом кофе.

– Доброе, выспалась? – заглядывает в глаза, смотрит с прищуром.

– Угу, спасибо большое, ты у меня самый лучший муж на свете, – касаюсь ещё раз его губ своими, и отхожу к кофемашине.

Грудью Глебку не кормлю, как-то у нас с этим не заладилось с самого начало, малыш был против грудного молока, поэтому он на смеси, а я могу пить кофе, есть то, что при грудном вскармливании не рекомендуется.

– Я записал нас в лабораторию, к часу нас будут ждать, – произносит Гриша.

Замираю, я и забыла о вчерашнем. Внутри вновь появляется что-то неприятное и обидное.

– Мы поедем в клинику Ситникова? – поворачиваюсь к мужу.

Гриша отрывает взгляд от телефона, склоняет голову слегка набок, дёргает уголком рта.

– Нет, – как-то холодно отвечает муж и буравит меня нечитаемым взглядом, – а ты хочешь к Ситникову?

– Я не то, чтобы хочу, просто там как-то привычнее, медперсонал мы знаем, там знают нас, – веду плечом, отмечая, как Гриша весь напрягся, взгляд стал тёмным.

– Мы поедем в другую, – твёрдо заявляет муж.

– Хорошо, в другую так в другую, – отворачиваясь обратно к кофемашине.

Сердце заколотилось в бешеном ритме, к горлу подступил горький ком. Он не верит мне, все его вчерашние слова противоречат его сегодняшнему поведению.

– Гриш, – зову мужа не поворачиваясь, – признайся, ты же поверил своей матери, тест ты делаешь не для того, чтобы усмирить Зинаиду Петровну, а потому, что вновь усомнился в моей верности? – беру кружку с кофе, и поворачиваюсь к нему лицом.

Каменная глыба, лицо непроницаемо, по взгляду ничего не понять. Он умеет скрывать свои чувства, виртуозно владеет такой функцией.

Муж молчит, чем и подтверждает мои догадки.

– Вот скажи мне, как Глеб может быть не твоим сыном? Мы же делали ЭКО. Мы провели три процедуры и наконец судьба дала нам нашего малыша. Я так была поглощена подарить тебе ребёнка, что совершенно не замечала ничего вокруг, о какой измене может быть речь? Ты знал о каждом моём шаге, часто сам был рядом, когда, по-твоему, я могла тебе изменить? Ты помнишь, как плохо мне было от некоторых лекарств, я была сонной мухой, даже за руль сама не садилась! В нашем доме сидит консьерж, повсюду камеры, за пределы дома я выбиралась с тобой, а если без тебя, то мой путь был только до клиники и обратно. Так где и как я могла тебе изменить? – меня прорвало, обида стала оглушать, лучше выплеснуть её, чем копить в себе.

– Мама видела тебя с мужчиной...

– Она врёт! – кричу, перебивая ложь свекрови, – где она могла меня видеть, когда, и кто этот мужчина, и что мы с ним делали? Что, что она тебе сказала?! Да что я сделала такого этой женщине? Чем ей не понравилась?

Гриша прищуривается, сжимает губы в тонкую линию.

Моего крика пугается Глеб, малыш заходится плачем. Мы одновременно с Гришей бросаемся к ребёнку, но муж успевает первым. Подхватывает Глеба на руки, прижимает к своей груди, что-то шепчет на ушко, от чего сынок сразу успокаивается. Мне же муж посылает осуждающий взгляд.

– Надеюсь тебе станет хоть каплю стыдно, когда будешь читать результат теста, – бросаю мужу, делаю шаг в сторону, так и не сделав и глотка кофе, выливаю его в раковину, ополаскиваю кружку, спешу покинуть кухню, иначе могу вновь сорваться.

Как же обидно, как больно! Я ради него пошла на такие меры, позволила пичкать себя кучей гормонов, а сколько было слёз? Дважды не приживался эмбрион! Как его мать может вообще творить такие вещи? Ведь она знает, что это её сынок не может нормально зачать ребёнка! но это не значит, что Глеб не его сын!

Старания свекрови внести разлад в нашу с Гришей семейную жизнь всё же увенчались успехом. Наша семья не распалась, но отношения испортились. Огромная, чёрная туча нависла над нашим семейным гнездышком.

Сегодня третий день, как мы сделали тест ДНК. Мы плохо общаемся с мужем, оба напряжены, оба ждём результата теста. Никто из нас не делает первый шаг на сближение. Мной руководит обида и гордость, Гришей же только упрямство. Он ждёт, когда я подойду, обниму, попрошу прощение! Вот только мне не за что его просить! Я ни в чём не виновата! Я имею полное право обижаться, меня оклеветали, оскорбили, и ни только меня, но и моего ребёнка!

«Приблудыш!»

То, как обозвала Глеба свекровь, не выходит из моей головы! Вчера я вновь слышала такое обращение к своему сыночку! Поздно вечером у Гриши зазвонил телефон, я была с Глебом в его комнате, укладывала малыша спать. Муж был в гостинной, хоть он и говорил приглушённо, но мне удалось расслышать каждое его слово.

Звонила свекровь. Первую минуту разговора, Гриша отвечал своей матери односложно: да, нет. Уж не знаю о чём она его спрашивала, но потом муж грозно рыкнул, «не называй моего сына приблудышем!», а дальше муж скрылся в кабинете, договаривая со своей матерью там.

Третью ночь мы спим в разных постелях. За всю нашу семейную жизнь, муж ни разу не уходил спать в другую комнату. Я его не прогоняла, такое решение он принял сам. Надо ли говорить, как отразилось такое поведение мужа на моём сне и моральном состоянии? Мою подушку пара отжимать в центрифуге, она пропитана моими слезами, под глазами залегли тени, весь мой вид кричит, как мне плохо! Но кажется Гриша этого не замечает!

Мы видимся только вечером, ужинаем за одним столом, перекидываемся парой фраз, по привычке узнаём, как прошёл день и на этом наше общение заканчивается. Если в мою сторону муж изменился, стал холодным, то с Глебом он ведёт себя как раньше. Играет перед сном, целует его щёчки, разговаривает.

Но сегодня весь кошмар закончится, сегодня мы получим результат теста. Мне очень хочется отправиться в дом к свекрови, и там вскрыть конверт, на её глазах, и показать истинный результат, а не тот, который она купила! Высказать всё, что скопилось на душе, всю обиду и боль, что я испытываю по её вине. А ещё попросить мужа не пускать его мать к нам в дом. Я понимаю, что так нельзя, она его мама, но другого выхода, чтобы сохранить нашу семью, к сожалению, не вижу. Пока она присутствует в нашей жизни, у нас будут ссоры, и возможно в дальнейшем и развод. На долго меня точно не хватит. Эта женщина совершает страшные поступки.

Прикрываю дверь детской, Глебка уснул, в обеденное время он сам засыпает, только нужно побыть рядом. Иду на кухню, чтобы приготовить успокоительный чай, иначе вновь заплачусь. Но до кухни дойти не успеваю, в замке входной двери поворачивается ключ. Замираю, смотрю как быстро открывается дверь и на пороге появляется муж. Наши взгляды встречаются и то, что я вижу в его глазах, замораживает душу.

Он зол! Чертовски зол!

– Ты почему так рано? – первой завожу разговор, едва остаюсь стоять на месте, мне почему-то хочется бежать, скрыться от этого взгляда.

Муж поднимает одну руку вверх на уровне своей груди, в его пальцах зажат белый конверт. ДНК готов! Вижу, что конверт вскрыт, а значит муж уже знает результат, а также, что его мать жестокая лгунья!

– Теперь ты убедился? Я же говорила, что не изменяла тебе, не придавала, что твоя мать наврала тебе про несуществующего мужика, как в этот раз будешь вымаливать своё недоверие? В этот раз мне в тысячу раз больше чем тогда...

– Довольно! – грубо прерывает, рывком вытаскивает листы из конверта, разворачивает их, показывает мне, но я не вижу, что там написано, шрифт слишком мелкий, и стою я в нескольких метрах, – Что ты теперь скажешь?! – рычит муж, сминая результат в кулаке.

Вздрагиваю от тона любимого, смотрю непонимающе на его искажённое гневом лицо. Уже открыла рот, чтобы спросить в чём дело, как в меня летят смятые листы бумаги. Они ударяются в мою грудь и падают к моим ногам.

– Лживая дрянь! Права мама, а я, дурак, – кривая усмешка на губах, – не верил ей! Но теперь..., я знаю всё! Правда вскрылась! Забирай своего приبلудыша, и вали из моего дома! – сотрясает своим рёвом стены квартиры.

– Гриш? – не веря в происходящие, зову мужа с дрожью в голосе.

Что происходит? Почему он так себя ведёт, почему оскорбляет? Почему он нападает на меня, а не на свою мать?

– У тебя полчаса! – с ненавистью и презрением, – и ты вернёшь не всё, что я потратил на тебя и твоего нагулыша! – бросает, и не говоря больше ни слова, рывком распахивает дверь квартиры, покидает его.

От того как сильно он хлопнул дверью, со стены сорвалась наша фотография, на которой мы всей семьёй на пороге роддома до безумия счастливые. Стекло рамки идёт большой трещиной. Словно говоря, что это конец.

– Что это было? – шепчу еле слышно.

Опускаю взгляд на смятые листы, наклоняюсь, дрожащими пальцами подхватываю белые листы, выпрямляю их. Взгляд бежит по строчкам, и с каждым новым словом, моё сердце сжимается от боли всё сильнее. Ложь! Такого просто не может быть! Как? Как такое может быть?! Неужели и здесь нагадила свекровь? Как ей это удаётся?

Мои мысли прерывает плачь Глеба, отбрасываю лживый тест в сторону, бегу в комнату к малышу. Я никуда не уйду, как приказал Гриша! Дождусь его, мы поговорим, и я настою ещё на одном тесте, только теперь, клинику буду выбирать я.

Глава 3

ВИКТОР

– Виктор Макарович, – поднимаясь из кресла, протягивает раскрытую ладонь Ситников.

– Добрый день, Лев Борисович, – пожимаю протянутую руку, – что-то случилось? – перехожу к сути встречи.

– Присаживайтесь, – указывает рукой на кресло напротив.

По выражению лица хозяина клиники понимаю, разговор будет непростым.

– Я хотел поговорить с вами наедине, без вашей супруги, – начинает доктор.

– Это я уже понял, давайте сразу к делу, – в груди нарастает ком тревоги, в голове возникают разные мысли, и к сожалению не одной хорошей.

– Марианне требуется отдых, передышка, – скрещивает пальцы в замок на столе, – её организм устал, шесть попыток за прошедшие полтора года не увенчались успехом. Ваша жена настаивает на продолжении, только вот в чём дело, – замолкает, поджимает губы, отворачивает голову к окну, смотрит в даль.

– Лев Борисович, говорите прямо, у нас нет шанса? – задаю вопрос, и в глубине души уже знаю ответ.

– Шанс есть, – возвращает взгляд ко мне, – но в таких случаях как у вас, рекомендуют использовать донорский материал, – слегка ошарашивает произнесённым.

– Подождите, – поднимаю руку вверх, – вы хотите сказать, что мы с женой можем стать родителями, но одному из нас ребёнок будет чужим?

– Генетически, – кивает головой, – для вашей супруги, но не для вас. Но поверти, как только Марианна ощутит себя беременной, она и думать не станет, что генетически, она не имеет отношение к малышу. Вы не первые, и поверьте, ещё не одна мамочка не отказалась от долгожданного ребёночка, всё-таки это они вынашивают малыша девять месяцев.

– Марианна на такое не пойдёт, – прижимаю клак к губам, я даже не представляю, как смогу ей такое предложить.

– В таком случае, боюсь у вас нет шансов, – разводит руки в стороны.

В груди становится тесно, густой, мрачный туман заполняет всё нутро.

– Не принимайте решение в одиночку, поговорите с супругой, что-то мне подсказывает, что Марианна согласится, с каждой неудачной попыткой ваша жена угасает, – говорит то, что я и так вижу.

Моя Марианна превращается в тень, я не узнаю свою жену, я её теряю! Если бы я только знал, чем обернётся моё желание стать отцом, то никогда бы не завёл разговор с Мири. Ещё в начале отношений я знал о её проблеме с её женским здоровьем, но никто не знал, что всё так отразится на зачатие ребёнка! Два года пробовали естественным путём, выполняли все требования врачей, но удача нам не улыбнулась, посоветовали ЭКО, но и здесь терпим одни неудачи.

– Почему вы сами не предложили такой способ Марианне?

– Для начала я хотел посмотреть на вашу реакцию, – отвечает Ситников.

– Какую конкретно реакцию?

– Не все мужчины согласны на донора, они хотят иметь ребёнка от конкретной женщины, хотят, чтобы дети были похожи на любимую жену, – поясняет мужчина.

– Если мы согласимся, то малыш может быть похож на генетическую мать? Я правильно понял?

– Мы можем подобрать донора максимально похожего на вашу супругу, цвет волос, цвет глаз, черты лица, в общем внешнюю схожесть.

– А болезни, как быть с ними? Ведь у донора может быть неизлечимые болезни в роду, как быть с этим? Вряд ли вы можете проверить всю его родню.

Чёрт! Сколько нюансов может возникнуть, если воспользоваться материалом донора?

– Для получения эмбриона выбирают наиболее качественные материалы, который потом проходит полную проверку и генетическую диагностику в течении нескольких дней, что максимально снижает риск генетических дефектов. Риск врожденных патологий при использовании ЭКО уменьшается, чем при естественном зачатии, – откидывается на спинку кожаного кресла, отвечает Ситников.

Но меня его ответ не успокаивает.

– Хорошо, я поговорю с женой, и завтра дам вам свой ответ, – поднимаюсь из кресла и не прощаясь с доктором, выхожу из кабинета.

Сердце забилось от мысли что есть шанс стать отцом, но следом оно ухает с гулким бие-нием куда-то вниз. Марианна может не согласится. Она как-то обмолвилась, что никогда не сможет принять неродного малыша, но в предложенном варианте, Мари сама будет вынаши-вать ребёнка, может это сыграет роль в положительную сторону?

– Нет, Витя, нет! – забирается на диван с ногами, обхватывает себя за колени руками, прижимает их к животу, – я всегда буду знать, что он не мой, – говорит Марианна, смотря на меня с блеском слёз в глазах.

Как я и предполагал, жена категорически против донора. Частичка надежды, что загоре-лась в груди после разговора с Ситниковым, угасла. Я прекрасно понял слова Льва. Не будет у нас с Марианной детей, если не пойдём на кардинальные меры. Вот только Мари менять ничего не собирается!

За прошедший час, я тщательно объяснил любимой, всё, что мне рассказал Ситников. Марианна смотрела на меня, словно я ей, вынес приговор к смертной казни.

– Мы будем пробовать пока не достигнем положительного результата, но без какого-то там донора! Я завтра поеду в клинику, и мы начнём новый курс подготовки, – произносит Мари.

– Мари, – тру лицо ладонями, – Ситников рекомендует взять паузу, твой организм устал, ты получаешь слишком много препаратов...

– Нет! Никакой паузы не будет! – психует, вскакивает с дивана, начинает нервно расха-живать по гостиной.

– Пауза будет, Марианна! И это не обсуждается! – не сдерживаюсь, повышаю голос.

– Что? – замирает, смотрит округлившимися глазами на меня, словно не верит у услы-шанное.

– Что слышала, Мари! Я не хотел говорить, но..., – замолкаю, поджимаю губы, смотрю на жену исподлобья.

– Что «но»? – обхватывает себя за плечи, взгляд шальной с примесью страха.

– Ситников сказал, что если ни донор, то у нас скорее всего нет шансов.

Марианна застывает, зажмуривается, вижу, как сильно её пальчики впиваются в кожу на хрупких плечах. Мне больно за неё, нутро всё скручивает в болезненном спазме. Поднимаюсь, в два шага подхожу к ней, заключил в крепкие объятия, носом зарываясь в её густых волосах на макушке.

– Это не правда, не правда, – шепчет на грани слышимости.

Её начинает бить мелкой дрожью, она вся сжимается.

– Давай сделаем перерыв, а позже попробуем ещё, – слегка отстраняю от себя, заглядываю в её полные слёз глаза.

Что-то внутри меня нащёптывает, что позже, не увенчается успехом, но сейчас важно уговорить её сделать паузу, дать отдохнуть её организму. Возможно, Мари успокоится, хорошо подумает над предложением Ситникова, и согласится на донора.

– Я не хочу, не хочу терять время! – всхлипывает, трясёт головой, – почему так? Что я сделала такого, что там на небесах, решили лишить меня крошечного счастья? Что я такого сделала в своей жизни, кого так могла обидеть? – закрывает ладошками лицо, шепчет пропитанным болью голосом.

А мне хочется закричать, что нет её вины, есть моя! Вот она, кара! Вот она расплата за содеянное в прошлом! Я лишил брата ребёнка на несколько лет, теперь же сам...

Нет, конечно, я могу иметь детей, с любой другой женщиной, вот только бросать жену из-за невозможности забеременеть, я не могу. Это подло, низко, не могу я причинить ей столько боли! Я и так в своей жизни много кому её причинил, а главное родному человеку! В отличии от Кати, брат меня всё ещё не простил! Мы общаемся, но не так как было до того дурацкого спора. До моего гнусного поступка.

Марианна не знает, как я поступил со своим братом и его семьёй, не знает, каким подонком был раньше! Не знает, в какую воронку меня затянуло однажды, как жизнь встряхнула в лице одной очаровательной девушки. Как эта самая девушка раскрыла мне глаза на весь мой неправильный образ жизни, на моё поведение, показала, как по-настоящему любят, чем дала кувалдой под дых.

Алёнка!

В груди заворочалась давнишняя тоска.

– Хорошо, – вырывает меня из мыслей голосок жены, – полгода, и мы продолжим бороться за нашего малыша, – соглашается с паузой.

– Умница, – прижимаюсь губами к её губам, и мысленно молу, чтобы эти полгода тянулись как можно дольше.

Глава 4

АЛЁНА

Уже прошло больше двух часов, как Гриша вылил на меня ведро обвинений, приказал покинуть его дом. Глаза припухли, нос заложен, горло саднит. Когда смогла укачать вновь Глеба после того, как муж разбудил его грохотом двери. Закрылась в ванной и дала волю рвущейся наружу боли, кажется, меня даже слышали соседи, но было плевать.

Он даже не поговорил со мной, не стал разбираться, тупо поверил в лживый тест! Так однажды он уже сделал! Поверил другому человеку, не стал разбираться, говорить со мной, просто обвинил в том, чего я не совершала! Выгнал меня из наших отношений. А после ползал в коленях, умолял вернуться, просил прощение, клялся, что такого больше не повторится! И я поверила!

Невольно сознание возвращается в прошлое, туда, где после одного случайного знакомства, было больно, как и сейчас.

Клубная музыка стихла за тяжёлой, металлической дверью. Незнакомец, что сбил меня с ног, а после, не спрашивая разрешения и не слыша мой протест, вынес меня из зала клуба в мрачный коридор, а после толкнул ногой ещё одну дверь, занёс меня в комнату, что явна была чьим-то кабинетом.

– Посиди здесь, я сейчас схожу за аптечкой и вернусь, – опустил меня на кожаный диванчик с высокой спинкой, и широким шагом вышел обратно, плотно закрыв за собой дверь.

Проводив незнакомца взглядом, поморщилась от боли в коленях. Склонив голову вниз, взглядом упёрлась в свои колени. Через тонкий капрон колготок, сочится алая жидкость, что тонкими струйками стекала вниз по голени. Запястье продолжало печь, сжать пальцы в кулак или же согнуть руку в суставе, было невозможно, это приносило боль. Кажется, порвала связки.

Пальцами здоровой руки прихватила капрон чуть выше колена, оттянула ткань от разбитой кожи, сквозь зубы вырвалось шипение.

Последний раз колени разбивала в далёком детстве, когда ещё была жива мама, и мы с ней ездили к бабушке в деревню, и вот там я проводила практически всё лето, бегала с местными детьми, играли в прятки, догонялки, даже в футбол! Вот после него мои колени и были покрыты коричневыми корочками.

Дверь открылась, на пороге с небольшой коробкой появился незнакомец.

– Потерпи, сейчас всё обработаем, – ставя коробку у моих ног, сам присаживается на корточки, – тебя как зовут? – не смотря на меня, спрашивает незнакомец, разглядывая содержимое коробки.

– Алёна.

– Виктор, можно просто Вик, – подняв взгляд от коробки, подмигивает новый знакомый, – ты прости, я не хотел, чтобы так всё получилось. Друзья неудачно подшутили, хотел их проучить, погнался за ними, а тут вы с подругой. ..., – вздыхает, опускает взгляд на мои колени.

Люда!

– Боже, она же тоже, наверное, пострадала? – вспоминаю о подруге.

– Её успели поймать, если и ушиблась, то не сильно, а вот тебе досталось, – кривит лицо, – их придётся снять, – указывает на колготки.

Лицо мгновенно опалило жаром, снимать колготки перед посторонним мужчиной, совсем не захотелось, будто бы мне предстоит полностью оголиться.

– Я отвернусь, – явно заметив мою заминку, говорит Виктор и следом поднимается в полный рост, отворачивается, отходит на пару шагов.

– Я сама обработаю раны, выйдете пожалуйста, – в груди заворочалась тревога, словно, что-то должно случится и внутренний голос вопит, выпроводить этого мужчину, подальше от себя.

– Алёна, снимайте свои колготки, я сам обработаю ваши раны, ничего я вам не сделаю, не стоит меня бояться, – не поворачиваясь ко мне, произносит Виктор.

Не отстанет! Зажмурив глаза и прикусив нижнюю губу, встаю с дивана, приподнимаю юбку, цепляюсь за пояс колготок, стаскиваю их вниз, когда капрон спущен до колен, неожиданно распахивается дверь кабинета.

Коротко взвизгиваю и огромными от удивления и ужаса смотрю на того, кто стоит на пороге.

– Ну ты и дрянь! – с отвращением произносит Гриша, смотря на меня со злостью и ненавистью.

– Ты кто? – как-то грозно летит от Виктора в сторону моего жениха.

– Гриш, – одновременно с новым знакомым.

Хлопок двери выдергивает из омута прошлого. Подрываюсь на ноги, торопливо спешу на встречу вернувшемуся мужу, с твёрдым намерением поговорить и убедить сделать ещё один тест, только в другой клиники. В голове роятся мысли, что в той лаборатории, в которой мы делали тест, есть знакомые у Зинаиды Петровны! А как она иначе могла проверить такое?

– Ты какого хрена ещё здесь?! – сталкиваемся с мужем в коридоре, – я что тебе сказал?! – пронзает меня свирепым взглядом, – убирайся из моей квартиры! – рычит, что зверь.

– Гриш, – сдерживаю себя, чтобы не разреветься, – давай поговорим? – взмахивает руку вверх, словно ударить собирается, отпаштываюсь, от испуга втягиваю голову в плечи.

– Нам не о чем говорить! Убирайся! – лютый взгляд исподлобья.

– Я не изменяла! Глеб твой сын! Давай сделаем ещё тест, в другой клинике! Прошу, Гриш, – голос дрожит.

– У Ситникова? – скалится муж.

– Можно и у него, – шепчу в душе появляется надежда, что он согласится.

– Сколько ты ему заплатила, дрянь? – шаг ко мне, нависает сверху.

– За что? – спрашиваю, не понимая его вопроса.

– За то, что прикрыл твою беременность от любовника и выдал её за ЭКО? – выплёвывает полную чушь.

– Что? – выговариваю с трудом.

Боже! Он сейчас серьёзно? Откуда он это взял?

– Ой! Только не надо так смотреть! Я больше не верю твоим лживым глазам! Убирайся, пока я сам тебя и твоего пацана не вышвырнул! Вон! – гаркает так, что стены квартиры вибрируют.

Смотрю на мужчину, что приходится мне мужем, и не узнаю этого человека! Он чужой, не тот за кого я выходила замуж, не тот с кем планировала беременность, с кем столько счастья испытала, не тот, кто любил меня, ласкал длинными ночами, клялся в любви.

Из детской раздаются плач сына, лицо мужа искажается гримасой ненависти.

– Уходи, Алёна, на развод подам сам, раздела имущества не будет, эта моя квартира, то что есть на счетах, делиться тоже не будет, хватит с тебя того, что потратил все эти годы! И ещё, я подам иск, на все те суммы, что были потрачены на все ЭКО! Готовься платить, жёнушка!

Забежав в комнату к Глебу, бросилась к сыну, сейчас он был моей единственной отдушиной! Взяв малыша на руки, прижала к груди, стала покачивать, с огромным трудом сдерживая себя, чтобы не закричать в голос от той боли, что рвёт душу и сердце на тысячу частей.

– Не прошу, никогда больше не прошу, – шепчу, прижимаясь губами к тёплой щёчке сына, – хочет, чтобы мы ушли, мы уйдём, – не выпуская Глеба с рук, подхожу к комоду с детскими вещами, выдвигаю ящики по очереди, бросаю на кресло-качалку вещички.

В комнате Глеба нет ни одной сумки, приходится выйти из комнаты и направиться на лоджию, чтобы взять самый большой чемодан. Всё делаю очень быстро, боль и обида что хлесткие удары плетью подгоняют скорее покинуть квартиру мужа.

Как попала кидаю вещи Глеба в чемодан, здесь не все вещи, но пока хватит, сын кричит на руках, ему не удобно, хочет высвободиться, чтобы поползать или походить по мягкому ковру, но времени нет, да и не могу я его отпустить! Кажется, только оторву сына от себя, как тут же меня накроет, снесёт волной, что рвётся изнутри. Сейчас он моя якорь, что держит в штормовом море.

Я видела, как Гриша скрылся у себя в кабинете, потому без боязни столкнутся с ним и нарваться на его яростные нападения, поспешила в нашу спальню за своими вещами. Чемодан брать не стала, решила взять одежды столько, сколько смогу перенести в руках. К тому же чемодан не резиновый, весь гардероб не уместится, а задерживаться в этой квартире чревато новым скандалом, но теперь на глазах у Глеба.

Забежав в комнату, первым делом схватила папку с документами, моими и сына, а после в гардероб. Открыв двери и шагнув в небольшую, но весьма вместительную гардеробную, остановилась. Глаза пробежались по вешалкам, по ящикам. Что брать? Что именно нужно на первое время? И когда я вернусь за остальными вещами?

Заметив в углу пакет полный каких-то вещей, сейчас даже не могу вспомнить, что там именно, и когда появился. Отбросив лишние мысли, прошла вглубь, не глядя на содержимое, вытряхнула всё на пол, открыла ящик с нижним бельём, переложила всё в пакет, а дальше сорвала с вешалок самое необходимое на мой взгляд. Когда поняла, что больше моих вещей в чемодан может и не поместиться, поспешила в комнату Глеба.

Сын стал капризничать, хныкать, ещё сильнее вырываться из рук, и мне пришлось его отпустить, чемодан одной рукой не застегнуть. Пока я укладывала свои вещи и застёгивала чемодан, упустила из виду сына. Из коридора раздался радостный лепет Глеба, а меня от этого звука пробило разрядом тока. Подскочив на ноги, бросилась из комнаты и стоило только выбежать в коридор, как сердце пронзило острой стрелой.

В двух метрах от меня, каменной глыбой стоял Гриша, а рядом с ним, держась за его штанину, слегка покачиваясь, стоит Глеб с запрокинутой головой, смотрит на отца, тянет к нему одну ручку, просясь на руки.

Муж молча смотрит на маленького сынишку, его лицо не выражает ни единой эмоции, но вот глаза, в них море эмоций. От счастья, любви и нежности, до отвращения, ненависти, обиды и боли!

Глеб захныкал от того, что любимый папочка не берёт его на руки, стало до жути обидно и больно за сына. Он маленький, стоит и просится на ручки к тому, кого любит, к тому, кто ещё вчера вечером играл с ним, обнимал, целовал, был отцом, а сегодня отказался из-за лжи и липового теста.

Гриша вытащил руки из карманов брюк, наклонился к Глебу, я была уверена, он возьмёт его, но то, что произошло дальше, за считанные секунды пропустило всё моё нутро через мясорубку! Муж разжал крошечные пальчики сына, что сжимали ткань его брючины, повернулся от второй ручки Глеба, которой он попытался ухватиться за руку отца, сделал несколько шагов назад. Малыш пошатнулся за ним, но не смог устоять на ножках, шлёпнулся на попу и смотря на отца, зашёлся громким плачем.

Спотыкаясь на ровном месте, чуть не упав, бросилась к малышу.

– Сволочь! – подхватывая сына на руки, кричу мужу.

– Время истекло, убирайся! – гремит в ответ.

Глеб плачет, изворачивается, тянет руки к отцу, который даже не смотрит в его сторону, облокотился о стену спиной, скрестил руки на груди, смотрит почерневшим взглядом в стену напротив.

С плачущим малышом захожу обратно в комнату, хватаюсь за ручку чемодана, дёргаю её вверх. Ручка выезжает, становится больше, позволяя мне катить за собой тяжёлый чемодан. Сердце разрывается от плача сына, он не понимает, что происходит, он хочет к отцу, который так безжалостно отказался от своей крохи.

Гриша так и стоит в коридоре, как можно быстрее прохожу к выходу из квартиры, пытаюсь обуть балетки, но то-ли от нервов, то-ли от того, что Глеб извивается удерживаемый одной рукой, не могу обуться, обувь ускользает.

– Ключи от квартиры положи на тумбу, сюда вы больше не вернётесь, – летит в спину.

– Верну, когда заберу остальные вещи, – не поворачиваясь к мужу, перекрикивая громкий плач сына.

– Твоих вещей здесь нет! Все шмотки были куплены на мои деньги!

– Что?! – опешив от такого заявления, резко поворачиваюсь к мужу, смотрю на этого подлеца, – большую часть одежды я покупала на свою зарплату!

– А я кормил тебя, оплачивал все твои хотелки, возил по курортам, водил по ресторанам, дарил весьма дорогие украшения, – про украшения я совсем забыла, они все в шкатулке в нашей комнате, там не только его подарки, но и те, что я покупала себе сама, и те, что папа дарил, – будем считать это твоя небольшая компенсация, я лучше их бомжам отдам, чем тебе! – произносит с ухмылкой на лице.

Боже! Это не мой муж! Кто, кто этот человек? Куда делся мой Гриша?

Хватаю свою сумочку с полки, чуть не роняю её на пол, нахожу в ней две связки ключей, одну от квартиры, другую от машины, которую мне пару лет назад подарил отец с мачехой. Беру одну связку, и с силой швыряю её в это чудовище!

– Подавись, сволочь! – кричу уворачивающемуся от ключей мужу, и наконец-то засовываю ноги в балетки, толкаю дверь, которая оказалась не закрытой не на один замок, вываливаюсь из квартиры с сыном и чемоданом.

Грохот двери за спиной, звук запираения замка, в голове шум, Глеб плачет. Вот и всё, сюда мы больше не вернёмся, такого я ему никогда не прощу!

Глава 5

- Алёна? – удивлённо смотрит на меня сводная сестра, открыв дверь своей квартиры.
- Привет, – говори тихо и слёзы, что стояли всю дорогу в глазах, срываются по щекам.

Я приехала к ней без предупреждения, по-боялась звонить по дороге, и не потому, что она откажет приютить нас на время, просто разрыдалась бы прямо за рулём, и уж тогда бы управлять автомобилем точно не смогла бы.

– Эй! Ты чего? – взволнованный голос Юли, – так, давай, проходи, – не получив от меня ответа, а только поток слёз, сестра отступила в сторону, пропуская нас с Глебом.

Переступив порог квартиры сестры и её мужа, без сил опустилась на мягкий пуфик, держа на руках спящего сына. Малыш уснул по дороге, наплакался маленький.

– Так, – раздалось над головой, – давай ка мне сюда Глеба, отнесу его в комнату, а ты пока разувайся и проходи на кухню, – аккуратно забирает сына из моих рук.

Якорь забрали, и теперь меня огромными волнами уносит в глубокое море боли и обиды. Я не иду на кухню, как сказала сестра, закрыв лицо ладонями, молча сотрясаюсь в рыдании. За что он так со мной? Как он мог поверить в такую дичь? Я подкупила Ситникова? Забеременела от любовника? Это слова его матери! Это она наплела ему!

– Алёнка! – Юля обхватывает меня за плечи, – что случилось, маленькая? – по голосу слышу, что сестра сама готова расплакаться.

Мы не родные, её мама и мой отец сошлись после смерти моей матери через пять лет, я была подростком, а Юльке было уже девятнадцать. Она стала мне настоящей сестрой, поддерживала, подсказывала, даже заступилась перед моим же отцом, когда решался вопрос моего поступления в институт. Отец хотел видеть меня юристом, чтобы я пошла по его стопам, но мне всегда хотелось стать детским врачом. Благодаря Юли и её мамы, я им и стала! Две новые родственницы встали за меня горой, убедили отца.

– Ну говори уже! – у сестры явно сдали нервы, она с силой встряхнула меня за плечи.

– Гриша выгнал нас из дома, он подаёт на развод, – выдавливаю из себя.

– Что?! – вскрикивает Юля, она смотрит на ошарашенным взглядом, – почему, что у вас произошло?

– Эта всё свекровь, она давно меня ненавидит, она всегда считала меня недостойной её сына, и вот наконец-то ей удалось разбить нашу семью, – провожу тыльной стороной ладони по подбородку, вытираю слёзы.

– Вот сука! – шипит Юля, – поднимайся, идём на кухню, и ты расскажешь мне всё по порядку и в подробностях. А также почему столько молчала, что эта гадина изживает тебя! – помогает подняться с пуфа, тянет меня за руки.

На ходу сбрасываю балетки, на нетвёрдых ногах бреду на кухню, точнее меня ведёт Юля, меня пошатывает, кажется, все силы разом покинули меня.

– Давай, милая, вот сюда, – усаживает меня за стол, сама отходит к кухонному гарнитуру, достаёт из шкафчика стакан, наполняет его водой, ставит передо мной, – пей, – звучит, что приказ.

Дрожащими пальцами вцепилась с стекло стакана, делаю пару глотков, в меня даже вода не лезет.

– Я жду, Алёна, – поторапливает сестра, она у меня упрямая, не отстанет пока не добьётся желаемого.

Я и не собираюсь умалчивать, именно сейчас я готова рассказать всё, даже то, про что никогда не говорила, считая, что это только дела моей с Гришей семьи, и жаловаться на свекровь не стоит, особенно Юльке. Она бы подняла всех на уши, и тётю Иру – свою маму и моего отца, и тогда мне казалось, что разразится такой скандал, но сейчас понимаю, что лучше бы

он был и возможно после, Зинаида Петровна остепенилась и перестала избавляться от мен, как он снохи.

Вытерев слёзы, сделала глубокий вдох, и начала свой рассказ. Юля не перебивала, внимательно слушала, но её лицо всё больше и больше становилось мрачным о выходках моей пока ещё свекрови. Когда мой рассказ дошёл до того, как она пришла к нам с Гришей домой и показала купленный ею тест ДНК, Юля подскочила с места.

– Маразматичка престарелая! Она совсем мозгами своими поплыла? Родного сына лишает семьи, а внука отца!

– Это ещё не всё, – качаю головой, – мы сделали ещё один тест, и он тоже оказался отрицательным, ей и в этот раз как-то удалось подделать его, я предполагаю, что именно в той клиники она и первый сделала, у неё есть там знакомые, иначе как это всё объяснить? После полученного сегодня теста, Гриша и выгнал нас, он такие слова говорил, – прикрываю глаза и в памяти появляется образ разъярённого мужа, – а ещё он убеждён, что я заплатила Ситникову, за то, чтобы он скрыл мою якобы беременность от любовника и выдала её за ЭКО! Ты представляешь, Юль?

– Да они оба сумасшедшие! Ладно эта старая гримза, но Григорий?! – Юля приложила ладонь к своему лбу, второй рукой оперлась о стол.

У меня так же как и у сестры не укладывалось всё в голове. Дверь кухни открылась, на пороге появился муж сестры. Я даже не заметила, что он дома.

– Привет, – поздоровался Семён.

Кивнула в ответ, стало стыдно, что вот так ворвалась к ним в дом. У них своих забот куча, Юлька только родила, малыш маленький, а тут я со своими проблемами.

– Юль, ты успокойся, а то ещё молоко пропадёт, и ты Алён тоже, – стало понятно, что муж сестры всё слышал, – я не собирался подслушивать ваш разговор, но не смог стоять в стороне, когда услышал, как ты Алёна плачешь, – мужчина подошёл к жене, приобнял её за плечи, усадил за стол напротив меня.

Перед Юлей появился стакан с водой, Семён присел рядом.

– Алён, – перевёл взгляд с жены на меня, – я знаю тебя не первый год, и знаю, что на измену ты не способна, вам нужно сделать ещё один тест.

От слов мужа сестры с губ срывается истерический смех.

– Я уже предложила Грише сделать тест в другой клинике, он отказался, – отвечаю Семёну.

– Он просто зол, им движет отчаяние, сначала мать с отрицательным тестом, её слова о том, что будто видела тебя с другим мужиком, и к завершению ваш сделанный тест тоже отрицательный, вот у него и сорвало крышу. Алён, – голос Семёна изменился, так же как и взгляд, – я верю тебе, верю что не изменяла своему мужу, но что если Глеб действительно не сын Григория? – выпалил на одном дыхании муж сестры.

– Сём? Ты сам понял, что сказал? Ты не веришь в измену, но следом сам об этом говоришь!

– Как он может быть не его сыном? – одновременно с сестрой.

– Так девочки, тихо, – поднял обе руки вверх, – Юля, я не имел в виду измену! А как Глеб может быть не сыном Григория, нужно выяснить в клинике, где вы делали ЭКО, что, если там произошла ошибка, и вместо материала твоего мужа, использовали чей-то чужой? Об этом вы явно не подумали.

Вокруг воцарилась тишина, я и Юля во все глаза смотрим на Семёна. А что если его предположение окажется верным?

Голова гудит от роящихся в ней мыслей, если даже Семён со своим предположением окажется прав, или же всё-таки это подлость свекрови, то сути моего семейного положения

это не изменит. Наша семья с Гришей распалась! Слишком гадко он себя повёл, такому уж точно нет прощения!

Перевернувшись на спину, приоткрыла глаза. Блики уличного фонаря играли тенями ветвей дерева на белом потолке. В квартире сестры тишина, все уже спят. День был очень трудный и эмоциональный. Мы с Юлей провели всё время в разговоре, сестра как могла поддерживала, всё время ругала Григория, порывалась ему позвонить и сказать, какое он ничтожество, но ни я, ни Семён не дали Юли выплеснуть пар на Григория. Ужин готовил Семён, а также присматривал за детьми.

В клинику Ситникова решила отправиться с самого утра, помимо предположения Семёна, мне нужно предупредить Льва Борисовича о скором суде. Уверена, клинику коснётся наш с Гришей развод, ложь свекрови выйдет за пределы нашей семьи, на суде молчать я не собираюсь! С меня хотят содрать немалые деньги, за то, чего я не совершала! Да и Ситникова могут обвинить в мошенничестве!

Мысли всё кружили и кружили в моей голове. Казалось, я должна была вырубиться после такого дня, но сон не шёл, Глеб просыпался дважды, выпивал бутылочку смеси и вновь засыпал, даже на руках не приходилось качать. То-ли чужое место на него так подействовало, то-ли Семён его так утомил, весь вечер играл с моим сыном. А сердце разрывалось в клочья, перед глазами весь вечер стояла картина, как Глебка тянется к отцу, а эта сволочь безжалостно отстраняет его от себя с каменным выражением лица.

Когда в окна забрезжил рассвет, мой организм счёл, что с него хватит, и меня наконец-то накрыло покрывалом сна. Но поспать долго не удалось, вскоре меня разбудил проснувшийся Глеб. С постели поднялась с огромным трудом, глаза слипались, в висках пульсирует тупая боль. Занявшись Глебом, смогла раскатать себя, но спать всё равно хотелось, да головная боль не желала отступать.

– Держи, – протянут мне таблетку обезболивающего Семён, появившись на кухне.

Муж сестры был уже одет, и готов отправиться на работу.

– Может вас подкинуть? За руль в таком состоянии лучше не садится, – продолжает Семён.

Он прав, за руль нельзя, к тому же я не одна поеду, Глеб едет со мной, Юля с двумя маленькими детьми не справится. Крошечная Вика появилась на свет с помощью кесарева сечения, и Юли ещё нельзя поднимать тяжести, а Глебка уже совсем не маленький.

– Если ты не опаздываешь и подождёшь нас минут десять-пятнадцать, то мы с радостью, обратно приедем на такси, – забрасываю в рот таблетку, запиваю водой.

– Буду ждать внизу, – отвечает Семён.

Муж сестры покидает квартиру, а мы с Глебом спешим в комнату. Вниз спускаемся ровно через пятнадцать минут, машина Семёна стоит прямо около подъезда. Открыв заднюю дверь, обнаруживаю детское кресло, усаживаю Глеба, занимаю место рядом.

Первые десять минут мы едем молча, мужчина сосредоточен на дороге, а я же обдумываю, как начать разговор с Ситниковым. У меня нет даже тех тестов, что сделала свекровь и мы, они все остались в квартире Гриши, только слова. Что если Ситников пошлёт меня далеко и надолго?

– Алёнка, – зовёт меня Семён, – не грузись так, всё будет нормально, – словно мысли мои читает, кидает взгляд через зеркало заднего вида.

– Что-то мне страшно, Сём, – вздыхаю и передёргиваю плечами от волны озноба.

– Тебе нечего бояться, ты не изменяла, за себя ты знаешь, пусть бояться те, кто всё это заварил. Я сегодня поговорю со своим юристом, обрисую ситуацию, попрошу заняться твоим разводом...

– Сём, ты сейчас серьёзно? Ты забыл кто твой тесть? – напоминала про своего отца.

– Точно, что-то я загнался, – хохотнул мужчина, – прости, просто тут отец Юлькин, родной, появился, так что у меня теперь два тестя, попутался в общем я, – поясняет Семён.

– Юлин отец появился? – приоткрываю рот от удивления.

– Ага, через неделю после выписки приехал к нам домой, Викушке кучу подарков привёз, прощение на коленях у Юли просил, умолял давать видиться с внучкой. Говорит раз не видел как дочь растёт, то хоть посмотрит, как внучка будет расти, – невесело усмехается Семён.

Юлин отец бросил их когда моей сестре было три года, ушёл к другой женщине, алименты он всегда платил, но встречаться с дочерью не встречался, присылал подарки на праздники, и на этом всё! И вот теперь спустя двадцать восемь лет он появился! И как только совести хватило?

– И как Юля отреагировала? – а ещё мне интересно почему сестра со мной такой новостью не поделилась?

– Не очень хорошо, не рада она ему, чужой он ей, отцом ей твой отец стал. Она всё детства ждала его, а он только с появлением внучки приехал, – морщится Сёма.

– Но как я понимаю, она позволила ему приезжать, или нет? – в душе поднялась обида за сестру.

Она рассказывала мне, как ей было тяжело в детстве. Получала подарки, а отца в живую не видела, подружки над ней смеялись, обзывала лгуньей, говорили, что подарки её мать покупает, а Юля якобы говорит, что отец.

– Ей трудно, Алён, детская обида не покидает душу, и в тоже время она хочет с ним общаться, но между ними такая пропасть, да и к тому же она боится Ирину Алексеевну обидеть. Тёща ещё не знает о его появлении.

– Да, с Ириной будет не просто, она так сильно ненавидит бывшего мужа, что мне прямо страшно представить, что она устроит, узнай, что этот припёрся к Юли, – мачеха за Юльку глотку перегрызёт, да и не только за Юльку, за меня она тоже горой всегда стоит.

– Приехали, – произносит Сёма, останавливая машину, – может мне с вами сходить? – поворачивается ко мне.

– Я бы не отказалась от поддержки, но как же твоя работа? – внутри зарождается мандраж.

– Я сам себе начальник, отругать меня явно никто не сможет, сейчас только предупрежу секретаря, что задерживаюсь, и пойдём общаться с этим Ситниковым, – доставая телефон из внутреннего кармана пиджака, говорит Семён, а мне даже легче становится, мне очень нужна поддержка.

Ситникова пришлось дожидаться более получаса, у него была планёрка с врачами клиники. Чем ближе приближалась встреча с главой клиники, тем страшнее становилось мне. Он весьма влиятельный человек, его клиника одна из самых лучших в городе, его клиенты очень состоятельные люди. Обследование и лечение в этих стенах стоит приличных денег, муж потратил огромную сумму на все мои процедуры с ЭКО. Если Григорий и его мать действительно подадут на меня в суд, и Глеб действительно окажется не его сыном, то даже не знаю где брать такие деньги! Папа, конечно, меня не бросит, отдаст всё, но боюсь после этого он сам будет на мели!

Вот только если мой малыш и правда не сын Григория, то я в этом не виновата, и не обязана платить за чужую ошибку, виновата будет клиника! Но как на это отреагирует Ситников и признает ли вину своих сотрудников?

Дверь кабинета хозяина лечебницы открылась, люди в белых халатах и брючных костюмах, стали по очереди выходить в коридор, ведя разговоры между собой, в нашу сторону они даже не смотрели. Последним появился сам Ситников, он явно собирался покинуть свой кабинет, но заметив меня, остановился, приподнял в удивлении брови.

– Алёна Ивановна? Доброе утро, вы ко мне? – заговорил доктор, когда я поднялась к нему на встречу.

– Здравствуйте, Лев Борисович, да я к вам, дело очень важное, – голос задрожал, рядом по правую руку встал Семён, протянул Ситникову раскрытую ладонь, представляясь доктору.

– Что-то с ребёнком? – киваю на его вопрос, во рту вмиг пересохло, язык прилип к нёбу, – проходите, – отступив на шаг в сторону, пропустил нас в свой кабинет.

Порог переступила на ватных ногах, по спине заструился холодный пот, и если бы не Семён, то рухнула бы, не сделав и шага дальше.

– Не волнуйся, всё хорошо, – шепнул мне на ухо муж сестры, удерживая меня за плечи и подталкивая к большому столу.

Меня усадили на самый ближайший стул, Семён забрал к себе Глеба, Ситников занял своё место во главе стола.

– Так что у вас случилось, Алёна Ивановна? – скрещивает руки в замок на столе.

– Да, случилось..., с трудом выдавливаю из себя и замолкаю, в ушах появился противный звон.

Ситников ждёт моего продолжения, но горло словно тисками сдавило, не то, чтобы говорить, дышать с трудом получается.

– Лев Борисович, – подаёт голос Семён, – давайте я вам расскажу в чём дело, Алёна сильно переволновалась, и вряд ли сможет всё нормально объяснить, – приходит на помощь муж Юли.

– Я не против, расскажите, с чем вы пришли, – кивает Ситников.

– Дело в том, что супруг Алёны, Григорий сделал тест ДНК, по которому выяснилось, что Глеб, – кивает на моего сына, – не приходится ему сыном, но как вы знаете, было проведено ЭКО в вашей клинике, – выражение лица Ситникова стало хмурым, – у нас есть два варианта, либо тест поддельный, благодаря свекрови Алёны, у них не очень хорошие отношения, да и всю эту кашу заварил именно та женщина, принесла отрицательный тест который она сделала не спросив разрешения родителей ребёнка. Но дело в том, что Алёна с мужем после сделали ещё один, и он как вы понимаете тоже отрицательный. Второй вариант заключается в том, что в вашей клинике была допущена ошибка, при которой попутали материал Григория с чьим-то другим. Но это ещё не всё, сам Григорий собирается подать в суд, с обвинением вас и Алёны в заговоре. Уж не знаю, кто подал ему такую идею, но Григорий уверен, что Алёна забеременеет от другого мужчины, а вы скрыли наличие беременности и выдали её за ЭКО, получив при этом деньги за сокрытие обмана, – договаривать Семён.

В кабинете воцаряется тишина, мы с Семёном смотрим на Ситникова в то время, как сам хозяин клиники мрачнее с каждой секундой.

– Покажите мне результаты теста, – холодно и очень властно, взгляд что острые иглы пронзают всё тело.

– У нас их нет, они остались у Григория, он выгнал Алёну с ребёнком из дома, – отвечает Семён.

– В какой клинике был сделан второй тест, вы были там, Алёна Ивановна? – спрашивает Ситников.

– Да, была, – киваю, выталкивая из себя слова.

Дальше называю адрес лаборатории, в которой давали анализы.

Ситников берёт свой мобильный телефон, что-то ищет в нём, а поле прикладывает к уху. На протяжении десяти секунд он слушает гудки.

– Анастасия Яковлевна, доброе утро, я к вам по очень важному делу, нужна ваша помощь, – сменив тон с холодного на деловой, заговорил мужчина.

Кто такая Анастасия Яковлевна, мне не известно, но чувствую, эта женщина нам поможет, возможно она является хозяйкой той лаборатории, в которой мы делали тест.

– Анастасия Яковлевна, мне нужен один из результатов проведённого в вашей лаборатории теста ДНК, – от услышанного понимаю, как права я оказалась, эта женщина и правда хозяйка лаборатории, – я был бы вам очень признателен, если бы вы прислали мне копию теста на мою почту, – продолжает мужчина, а в моих ушах усиливается звон.

Что если сейчас пришлют копию теста с совершенно с другим результатом? Что если он будет положительным?

– Ребёнок, Евдаков Глеб Григорьевич, отец Евдаков Григорий Альбертович, – слышу, как Ситников сообщает данные сына и мужа.

Какая у мужчины память? Он помнит нашу фамилию, и отчество мужа.

– Спасибо, жду, – говорит хозяин клиники и завершив разговор, кладёт телефон на стол.

Вновь тишина, напряжение буквально искрит в воздухе.

– Мы во всём разберёмся, Алёна Ивановна, выясним всю правду, – разносится голос Ситникова, – начнём с ещё одного теста ДНК, но уже в моей клинике, материалы вашего супруга у нас имеются. Если тест и правда окажется отрицательным..., – тут мужчина поджимает губы, его взгляд становится чернее бездны, – то проведём проверку, и выясним, как такое могло произойти.

Глава 6

ГРИГОРИЙ

– Гриша! Ой-ой, что это, что, что здесь случилось? Ограбили? Ох! Сыночек?! Гришенька? – вопль матери пробрался через марево выпитого накануне алкоголя.

Поморщившись, обхватил голову обеими руками, сжал виски. Увидела сломанную мебель.

– Гриша! – голос приближался, звоном отдаваясь в гудящей голове.

Разговаривать, а уж тем более видеть мать, совершенно не хотелось. Читать в её глазах «я же тебе говорила, а ты меня не слушал», слушать её причитания про Алёну, какая она гадина, тем более.

– Ох, сынок! Живой! – в дверном проёме появилась фигура матери.

Женщина прижимала одну руку к груди в районе сердца, второй держалась за косяк двери, на лице испуг.

– Ты..., почему квартира в таком виде? Ты почему в ботинках и на постели? А это что? – фурией пронеслась через всю спальню, остановилась у нашей с Алёной постели, на которой сейчас полу трупом лежал я.

Нагнувшись, мать с пола подняла две пустые бутылки из-под конька, взгляд ошарашенный, губы задрожали.

– Гриша, – с нотками паники в голосе, – ты..., ты вновь за старое? Зачем? Зачем, Гришенька?! – вскрикивает мать.

От её визга голову пронзило острыми иглами.

– Замолчи, – выдавил с раздражением и болью в голосе.

– Что? – охает мать, роняя пустую тару на пол.

Звон бутылок корёжит.

– Ты зачем пришла? – с трудом принимаю положение сидя, на душе погано, тело ломит, изо рта несёт что из кошинного лотка.

– Что значит «зачем»? Я твоя мама, я волнуюсь за тебя, сынок! Я пришла, чтобы приготовить тебе завтрак! – отвечает женщина.

От её слов губы кривятся в усмешке.

– Гриша, сыночек, – голос матери дрогнул, – скажи мне, скажи, что ты не взялся за старое, прошу, Гриша! – опускается на колени около кровати, руками хватается за мою ногу, смотрит встревоженным взглядом.

– Не взялся за что? – смотрю на ней с усмешкой, – ну, говори, мам.

– Ты сам знаешь, за что, – взгляд матери блуждает по моему лицу.

– Ты имеешь виду наркотики? – по взгляду понимаю, что да.

В юношеском возрасте, связался с не той компанией, всё случилось после того, как отец ушёл из семьи. Брак между родителями был ошибочным, по залёту матери. Отец долго терпел закидоны своей жены, постоянные скандалы, ревность матери привела к разводу. Я тогда винил мать, что отец ушёл, вышел из-под контроля, подсел на запрещённые вещества. Мать боролась как могла, искала меня ночами по «друзьям», забирала домой, закрывала в комнате, не давала денег, приводила домой врачей. Меня лечили в тихую, никто не знал, что я употребляю.

Из бездны меня вытащил отец, по просьбе матери забрал к себе в тайгу, там он обособился после развода, стал строить свой бизнес лесопромышленности. Дела отца быстро шли в гору. Оторванный от «друзей», привыкшего мира, я стал приходить в себя. Первый месяц был самым сложным, во мне кипела агрессия, что загнанный в ловушку зверь бросался на отца и его подчинённых. отец со мной не церемонился, вправлял мозги увесистой оплеухой, а бывало и кулаком в морду, за частую ходил с синяками на скулах и под глазами. На второй

месяц стало легче, агрессия испарилась, и отец стал втягивать меня в свой бизнес. Через год я вернулся обратно к матери, точнее в родной город, за это время я смог хорошо заработать, работая у отца.

Первым, что я сделал, так это купил себе квартиру, вторым шагом было восстановление в институте, третьим открытия собственной строительной фирмы.

– Можешь не переживать, к старому не вернусь, – отвечаю с минутной паузой, за которую лицо матери побледнело.

– Но ты...

– Напился? – перебиваю, видя, как она косится на пустые бутылки, – это всего лишь алкоголь, мне паршиво, понимаешь? Мне пор-ши-во! – говорю по слогам, – я семью потерял!

– Это ты из-за той дряни?! Тебе не должно быть паршиво! Ты должен радоваться!

– Чему?! Чему я должен радоваться?! Тому, что остался без жены и ребёнка? Тому, что выгнал их на улицу?! – вскакиваю с постели.

– Ты всё правильно сделал! Так с ними и надо! Она обманула тебя! – чересчур резво вскакивает на ноги, упирает руки в бока, – эта дрянь тебе изменяла, повесила приبلудыша тебе на шею, и сама уселась, ноги свои кривые свесила и радуется, что охмурила такого богатого дурака! – кричит в ответ.

– Да мне всё равно родной он мне по крови или нет! Глеб, мой сын! Жаль, что поздно осознал, жаль, что не вернуть вчерашний день, всё что я сделал, или день, когда ты пришла с этим дурацким тестом! Кто просил тебя лезть в мою семью?! Кто?! – рву глотку.

Всю ночь думал о том, каких дров наломал, прокручивал в голове всю жизнь с Алёной, заглушал внутреннюю боль спиртным, и ближе к утру понял, что безумно люблю жену и сына. Тест отрицательный! В этом есть и моя вина! Я так грезил ребёнком, что совсем слетел с катушек, заставил Алёнку пойти на ЭКО. Она согласилась, хоть и очень боялась. Каждый раз, когда эмбрион не приживался, Алёнка впадала в депрессию, я же замыкался на пару недель в себе. Она так хотел осчастливить меня отцовством, что собирала себя по кусочкам и шла на новую процедуру. И вновь неудача! Возможно, она поняла, что нам не стать родителями из-за моих проблем, которые появились у меня после употребления запрещённых веществ, и пошла на измену. Алёна не знает, про моё грязное прошлое, но знает, что есть проблемы по зачатию, и она смогла сделать меня счастливым отцом, и если бы не мать...

– Ты что такое говоришь? Гриша! Это не твой ребёнок и я никогда его не приму! Мы найдём тебе другую девушку, здоровую, она сможет родить тебе твоего ребёночка, ты...

– Прекрати! – обрываю мать, – какая другая, какого моего ребёночка?! Ты прекрасно знаешь, что проблемы не в Алёнке, а во мне! И ты прекрасно знаешь почему! Никакой другой в моей жизни не будет, я верну жену и сына, вымолю прощение, а ты мама, и слово плохого Алёне не скажешь и Глеба примешь, как родного, если же нет, то порог моего дома ты больше не переступишь, – качаю головой.

– Ты не посмеешь! – взвизгивает, – неужели ты променяешь меня на блудную девку с чужим выродком? Родную мать на эту шлюху?! Ты...

– Закрой рот, мама, ещё одно плохое слово про мою жену и сына, и ты меня больше никогда не увидишь, ты поняла меня? И я не промениваю тебя, я просто хочу вернуть свою семью! Я дурак, поддался эмоциям, наслушался твоих бредней, – прикрываю глаза, в голове мелькают кадры вчерашнего.

Глебка у моих ног, боль в глазах любимой, а я как последняя мразь отвернулся от них!

– Я очень надеюсь, что любовь Алёны не исчезла после моих слов, после того что я сделал, и она меня простит, вернётся назад, – говорю тихим голосом, и говорю я это не матери, говорю сам себе.

– Я не допущу этого! Я не дам тебе с ней сойтись! Убью гадину, – совершенно не слыша моего обещания, бросает угрозу в сторону Алёны.

– Только попробуй к ней приблизиться, тебе тут же будет обеспечена койка в психушке.

Глава 7

АЛЁНА

Ситников тарабанил пальцами по столу, изучал присланный ДНК тест, я надеялась на то, что он будет положительным, а Григорию прислали фальшивый, но мои надежды таяли видя выражения лица хозяина клиники.

– Тест действителен, между вашим сыном и мужем нет родства, – не отрывая взгляда от монитора компьютера, говорит Лев Борисович, – если, конечно, материалы не были подменены лаборантом, но зная Анастасию Яковлевну, продажных подчинённых она не держит, но как говорится и на старуху бывает проруха. Мы сегодня же сделаем *vir*-анализ, уже завтра утром будут готовы результаты, и уже тогда будем предпринимать меры по выяснению, как такое получилось, – посмотрев на меня поверх очков, что слегка съехали вниз по переносице.

– Если действительно была допущена ошибка в вашей клинике, как нам узнать, кто настоящий отец мальчика? – задал вопрос Семён.

От вопроса мужа Юли, в груди что-то ёкнуло! В голове за последние сутки было столько мыслей, даже рассматривая такой вариант, как о возможной ошибке клиники, я совсем не задумывалась о биологическом отце Глеба. Казалось бы, меня уже нечего бояться, но вот возможное появление левого мужика, который по воли судьбы может быть отцом Глеба, сковало душу ледяными щупальцами.

– Этот вопрос доверьте мне, если тест ДНК будет отрицательным, мы сможем найти биологического отца Глеба, если потребуется, будем проводить ДНК с клиентами, которые попадут в круг возможных претендентов, – отвечает Ситников.

– Лев Борисович, – зову доктора, – если на самом деле была допущена ошибка, я бы не хотела выяснять, чей материал был использован, – поджимаю губы, пальцами сжимаю край стола.

– Вы не хотите знать, от кого ваш ребёнок? – склоняет голову на бок.

Чувствую взгляд Семёна.

– Я не то чтобы не хочу, но вы должны сами понимать, у того мужчины тоже семья, его материал не просто так оказался в вашей клинике, он клиент, тоже пришёл за чудом, и я не хочу рушить чужую семью, – качаю головой.

– Алёна Ивановна, я всё понимаю, – начинает Ситников после минутной тишины в кабинете, – но как вы говорите, ваш муж собирается идти в суд с обвинением нас с вами в мошенничестве, к этому делу обязательно будут привлечены правоохранительные органы. Будут выяснять абсолютно все детали, к тому же моя клиника очень известна, поднимется шумиха, уж лучше будет признать наличие ошибки одного сотрудника, чем обвинение во взятке, – поясняет мужчина.

Вновь тишина, хочется возразить, но Ситников слишком реалистично обрисовывает возможную картину будущего.

– Я вас поняла, – опускаю взгляд на колени.

– Давайте мы сейчас пройдем в процедурный кабинет, и возьмём у вашего сына материал для теста, – предлагает Ситников.

В ответ только киваю, и как-то устало поднимаюсь из-за стола, следом Семён с Глебом.

Дальше всё, как в тумане, у Глеба берут кровь, мой малыш плачет, с ним плачу и я. Семён не отпускает нас на такси, сам везёт в их с Юлей дом. Выйдя из машины с Глебом на руках, и сделав пару шагов в сторону подъезда, и подняв взгляд, останавливаюсь. У самого подъезда стоит машина мужа, а сам Григорий стоит рядом и смотрит на нас с Глебом.

Сердце остановилось, безжалостно пропуская удары, а следом бросилось в галоп. Все нервы превратились в натянутые струны, ещё чуть-чуть и начнут рваться. Что он здесь делает? Зачем приехал? Неужели не всё ещё сказал?

Оглянулась назад и с долей облегчения выдохнула. Семён не уехал, как собирался, видимо заметил Григория, и вышел из машины.

– Я провожу вас, – поравнявшись со мной, произносит муж сестры, хмурым взглядом смотря на Григория.

– Спасибо, – шепчу в ответ и делаю шаг вперёд, хочется, как можно скорее скрыться за дверями Юлиной квартиры.

Григорий тоже начинает двигаться нам на встречу, между нами, не больше десяти метров, которые с каждым сделанным шагом сокращаются.

– Алён, – подаёт голос муж, а у меня внутри всё содрогается от его голоса.

Мои чувства живы, я люблю этого мужчину, несмотря на его обвинения, все его слова, поведения. Вот только простить я его больше не смогу! Назад дороги нет, только вперёд, завершать то, что начал муж. Развод! Никогда не думала, что он будет в моей жизни.

– Давай поговорим? – останавливаемся друг напротив друга в паре шагов, он буквально преграждает путь.

Сегодня муж выглядит иначе, какой-то помятый, но что странно, он не выражает ярости, что ещё вчера топила его с головой.

– О чём? Мне кажется, ты вчера всё сказал, или же твоя мама ещё, что-то придумала, ей мало той лжи, что вы уже вылили на меня? – говорить очень трудно, но легче чем с Ситниковым.

Глеб услышав голос отца повернул головку в его сторону, его личико засияло радостной улыбкой, он тут же потянул к отцу руки.

– Сынок, – как-то хрипло говорит Григорий и тянет свои руки, чтобы взять Глеба, но я не даю, делаю шаг назад, прижимая крепче к себе малыша.

Знаю, что причиняю боль своему сыночку и самой от этого больно, он пытается вывернуться из моих рук, чтобы пойти к папе.

– Он же не твой сын! – произношу со злобой, а глаза Григория прикрываются, опускает голову.

Зачем он так делает? Зачем дразнит Глеба? Ему от этого хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.